
Н. В. ПОНЬРКО

**«Пасхальный смех» на Руси
в контексте литургической гимнографии**

Мне уже доводилось писать на тему «пасхального смеха». В свое время это было сделано в нашей общей с Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко книге «Смех в Древней Руси».¹ Сейчас, когда изучение литургической гимнографии заняло наконец подобающее ему место в медиевистике, я испытываю потребность вернуться к этой теме на новом уровне, взглянув на нее с точки зрения поэтики древнерусской гимнографии.

Сильнейшим импульсом к моим разысканиям явилась теория М. М. Бахтина о карнавальной культуре средневековья, так блестяще представленная на страницах книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».² Парадоксальный мир, в котором телесный верх и телесный низ меняются местами и взаимозаменяемы, мир, где первый становится последним, а последний первым, где смерть рождает жизнь, был открыт Бахтиным, и это открытие было подобно открытию нового континента, — целого континента в истории европейской культуры.

Стержень теории Бахтина составляет мысль об амбивалентности мышления и мироощущения, присущей культуре народного празднества, где соединяется несоединимое, меняются местами противоположности, торжествует парадоксальное.

Моя гипотеза опирается на способность разглядеть амбивалентную идею в церковном празднестве, а вслед за этим связать пафос карнавальной народной культуры с «парадоксом» христианства. Особую роль при этом играет понимание символики огня и воды, свойственной как церковной, так и народной культуре.

О символике огня и воды, обрамляющей святочный карнавал, я писала в главе «Святочный смех». На Руси связь святочного карнавала с церков-

¹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 175 — 202.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

ным праздником выявляется очень определенно благодаря дошедшим до нас сведениям о так называемых «халдеях», одновременно являвшихся как участниками церковного Пещного действия, так и уличными святочными ряжеными. Пещное действие совершалось в соборных храмах Руси примерно за неделю до Рождества Христова. Этим действием Церковь знаменовала празднование ветхозаветного пророчества о Рождестве Спасителя мира, за которое пророчество в православной традиции почитается Чудо о трех ветхозаветных отроках, описанное в библейской Книге пророка Даниила: подобно тому как огонь вавилонской печи не сжег благочестивых еврейских отроков, подлежащих казни по приказанию нечестивого царя Навуходоносора, так и огонь Божества, носимого Девой Марией и рожденного ею, не опалил ее утробы. Пещное действие открывало собой рождественский цикл в церковных праздниках. В этот день в начале всеобщего бдения «отроки» и «халдеи» в особых нарядах входили в церковь вместе с архиереем и пребывали некоторое время в алтаре. Затем, во время пения канона на утрене, перед 7-й песнью, «халдеи» выводили связанных «отроков» из алтаря и ввергали их в специально устроенную посреди храма «пещь». В то время как «отроки» продолжали распевать в печи канон, «халдеи» разгуливали вокруг печи с особого рода «халдейскими свечами», трубками, наполненными горючей травой, и разжигали огонь. Когда при множестве пылающих огней протодьякон во время пения канона возглашал слова «ангел сниде» (по поводу свершившегося Чуда), в пещь из-под купола собора спускалось изображение ангела. «Халдеи», увидев ангела, падали ниц, поклонялись «отрокам» и выводили их из печи. «Отроки», выйдя из печи, говорили многолетие архиерею и царскому роду. Затем в печи читалось Евангелие. И одновременно это было зрелище, шагнувшее в уличное празднество. Связь осуществлялась благодаря «халдеям», принадлежавшим на протяжении святочного периода одновременно как храму, так и улице. Помимо исполнения действия они вместе с «отроками» участвовали во всех богослужениях дня, в который совершалось действие, а также в богослужениях дня Рождества. И наряду с этим на всем протяжении Святков они бегали по улицам в своем «халдейском» наряде, с потешным огнем в руках, поджигали им встречные возы сена и бороды прохожих. Этой беготне сопутствовала атмосфера вольности, необузданной свободы. Всё заканчивалось в день Богоявления, после буйного купания ряженных в ледяной воде Иордани.³

Основным элементом пасхальных игрищ на Руси тоже было купание в воде или обливание водой. Обратившись к свидетельству позднего летописания, мы увидим, что в Густынской летописи об играх в день Пасхи сказано следующее: «В день пресветлаго Воскресения Христова собравшеся юнии и играюще, *вметают геловека в воду <...>*. По иных же странах не вкидают в воду, но токмо водою обливают».⁴ Обливание водой было постоянным элементом смехового пасхального действия, как можно заключить из того, что русский исповедный устав припас для такого случая даже специальный вопрос: «Не обливался ли водою в Великий четверток или на Свет-

³ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 154–174.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 257.

лой неделе не куповал ли кого?».⁵ Обычай обливаться на Пасху сохранялся и в XVIII в., он зафиксирован запретительным указом Синода от 1721 г.: «В Российском государстве как в городах, так и в весях происходит от невежд некое непотребство. А именно: во всю Светлую седмицу Пасхи, кто не бывает на утрени, того, якобы штрафуя, обливают водою и в реках, и в прудах купают».⁶

Вода народного игрища на Пасху напоминает нам о воде дня Богоявления, когда участники смехового действия Святков «халдеи», или «огненники», бросались в воду иорданьской проруби. Как потешной игре с водой в день Богоявления предшествовал огонь святочных игрищ, так и пасхальной воде предшествовали масленичные огни (обряд сжигания масленичного чучела на сырной, или масленичной, седмице, пожалуй, самый устойчивый обряд, сохранившийся от русского народного карнавала до наших дней).

Чтобы понять закономерность связи огней Масленицы с водой Пасхи, надо понять богословие, выраженное в гимнографии Великого поста через метафорику пути от Адама ко Христу.

Как известно, к празднованию Пасхи человека подводит Великий пост, состоящий из шести недель собственно Великого поста (Четыредесятницы) и Страстной седмицы. Началу поста предшествуют три приуготовительные седмицы, в обрамлении четырех воскресных дней: Недели (воскресенья) о мытаре и фарисее, Недели (воскресенья) о блудном сыне, мясопустной Недели (воскресенья) (ей предшествует мясопустная седмица) и сыропустной Недели (воскресенья) (ей предшествует сырная седмица). Последний день сырной седмицы (сыропустная Неделя) посвящен воспоминанию о первородном грехе и изгнании Адама из рая. «В той же день воспоминание творим еже от райския пищи испадения первозданнаго Адама», — читается в Синоксаре сырной Недели (прощеного воскресенья).⁷ В песнопениях сырной Недели воспоминается о том, как «седе Адам прямо раю и свою наготу рыдая и плакашеся: Увы мне, еже прелести лукавней веровавшу и окрадену и славы лишившуся; увы мне, еже простотою нагу, ныне же недоуменну. Но, о раю, к тому не наслажюся твояе пищи, к тому не узрю Господа и Бога моего и жиждителя; в землю пойду, от неяже взят бых; милостиве, Щедрый, вопию ти, помилуй мя, падшаго» (стихера на Господи возвах).⁸ И одновременно песнопения этого дня трактуют первородный грех в проекции на человеческую душу, благодаря чему каждый участник богослужения осознает себя тоже Адамом, изгнанным из рая и взывающим в преддверии поста о милосердии Божии: «Увы мне, душе моя страстная, сущих во Едеме наслаждатися благих прияла еси власть от Бога, не ясти же разуму

⁵ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Одесса, 1894. Т. 3. С. 288–289.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6: (1720–1722 гг.). СПб., 1830. С. 377. Как видно из фильма Анджея Вайды «Березняк», снятого по одноименной повести Ярослава Ивашкевича, этот обычай сохранялся и в XX в. на униатской части территории Польши (повесть Ярослава Ивашкевича была создана в начале 1930-х гг., фильм А. Вайды — в 1970 г.).

⁷ Триодь постная. М., 1650. Л. 112.

⁸ Там же. Л. 107 об.

плода повелена бысть; въскую преступила еси закон Божии» (тропарь 1-й песни канона);⁹ «Уязви змий вселукавый всю *ми душу* завистию, рая же едемскаго изгнана сотвори, но, о благомилостиве Спасе, не презри мене, Благий, но призови *мя*» (тропарь 7-й песни канона);¹⁰ «Рыдая *стеню* и *плачюся*, херувима с пламенным оружием зря, Едема вход стрещи повеленнаго, всем преступником, увы, неприступна, аще не ты невозбранен, Спасе, той сотвориши верным» (тропарь 9-й песни канона).¹¹

Тема пути от Адама ко Христу пронизывает песнопения Великого поста от его начала до последней седмицы. Метафорика этого пути может быть, что называется, «сухопутной», либо «морской», но она всегда будет выражать покаянное движение от ветхого человека к воскресшему Христу. В прощенное воскресенье, в день заговенья на Великий пост, поется: «Адам от рая отгонится, пищи причастився <...> Моисей боговидец бысть, постом очи душевнии очисти; темже [и *мы*], рая жители быти желающе, изменимся от неполезныя пищи и <...> легче к *горнему шествию* *прейдем*» (стихера на Хвалитех);¹² «Восия благодать твоя, Господи, <...> се время благоприятно, се время покаяния, отложим дела темная и облечемся во оружие света, яко да *преплывше поста великую пугину*, в тридневное *Воскресение достигнем* Господа и Бога, Спаса нашего Иисуса Христа, спасающаго душа наша» (стихера на Господи возвах).¹³

И далее каждая новая неделя Великого поста осознается как продвижение по великопостному пути. «*Приведый*, Боже, нас ныне времени *общества* Всечестнаго поста *совершити* и даровавый нам во святое стояние *вторья недели внити*, сам сподоби, Господи, и к будущему *благодетци*, тело и душу нашу благодетельствуя и укрепляя, яко да *предварим*, *совершивше тегение мужески*, истинный *день Воскресения твоего ...*» (стихера на Господи возвах во вторник 2-й недели).¹⁴ «*Третью* честных пост *неделю*, Христе Слове, *прешедше*, древо живоноснаго Креста твоего видети сподоби нас и чисте поклонитися и пети по достоянию, славити державу твою, воспевати страсти твоя, *предварити* славное чисте всесвятое *Воскресение*, Пасху тайную, еяже ради Адам вниде в рай» (стихера на Господи возвах в четверг 3-й недели).¹⁵ «*Четырдесятих постных стадий* *преплывающе*, придите, любовию со Христом *идем* к божественей *Страсти*, да сраспеншися ему, *общницы* *будем того Воскресению*» (трипеснец понедельника 4-й недели).¹⁶ «Тихое *плавание* пощения духовным хладом *преплывше*, к пристанищю *Страстей Христовых достигнути* помолимся» (трипеснец понедельника 5-й недели).¹⁷ «От ветвей и ваия яко от божествена праздника в божественый *пришедше* праздник, к честным *Христовым Страстем*, вернии, и стекшися, жертву спасеную сего да видим...» (стихера на Господи возвах Недели

⁹ Триодь постная. Л. 109 об.

¹⁰ Там же. Л. 115.

¹¹ Там же. Л. 115 об.

¹² Там же. Л. 117.

¹³ Там же. Л. 119 об.

¹⁴ Там же. Л. 245.

¹⁵ Там же. Л. 313–313 об.

¹⁶ Там же. Л. 352 об.

¹⁷ Там же. Л. 413.

ваий, или вербного воскресенья).¹⁸ Путь приближается к концу, участники богослужения говорят языком гимнографии, что они уже подошли ко Христу, «стекшеся», чтобы видеть «жертву спасеную сего». И наконец звучит: «Идый Господь к вольней Страсти <...> *приидем убо и мы* очищенными умы и шествуем с ним и сраспнемся и умертвимся его ради от житейских сластей, да и сооживем с ним и услышим вопиюща его: У же не в земный Иеросалим во еже пострадати, но восхожду ко Отцу моему и Богу моему и Богу вашему, и созовышю вас с собою в горний Иеросалим, в Царство Небесное» (стихера на Хвалитех понедельника Страстной седмицы),¹⁹ — участники богослужения приблизились ко Страстям Христовым и шествуют вместе с Ним

Теперь вернемся к другой приуготовительной Неделе — к предшествующей сырной седмице мясопустной Неделе. Прежде, чем обратиться к теме изгнания ветхого Адама из рая, Церковь, ровно за седмицу до начала Великого поста, вспоминает о Страшном суде второго пришествия. В мясопустную Неделю на соборной площади Московского кремля совершалось действие Страшного суда, когда на помосте, сооруженном за алтарем Успенского собора, выставлялась большая храмовая икона Страшного суда, перед которой совершалось определенное чинопоследование, завершавшееся кроплением иконы святой водою.²⁰ Что составляет доминанту иконографического образа Страшного суда? Конечно же, огненная река, геенна огненная, поглощающая грешников.²¹ В кропении образа Страшного суда святой водою соединяются два интересующих нас символа — огонь и вода.

Посмотрим, как это опирается на гимнографические тексты, звучащие в мясопустную Неделю (воскресенье). Тема огненной реки, сжигающей грешников, доминирует в этих текстах. В синаксарном чтении на этот день читается: «Напрасно, яко молния с небес, Господне пришествие будет, предъидушу честному его Кресту, и *огненная река*, клокочющи, ему предъидет, всю землю от скверны очищая <...> и сопотивник Христу и его слуги дадутся *ветному огню*».²² И далее образ вечного огня снова и снова звучит в песнопениях этого дня: «Егда поставятся престолы и отверзутся книги, и Бог на Суде сядет, о, кий страх тогда, ангелом предстоящим в трепете, и *реце огненной* текущи...» (стихера на Господи возвах).²³ При этом огонь Страшного суда мыслится в проекции на судьбу каждого участника богослужения, или, если говорить языком литературоведческого анализа, лирического героя богослужебных текстов. «*Плагюся и рыдаю*, егда во уме прииму *огнь ветный*, тму кромешную и пропасть глубокую...» (стихера на Господи возвах).²⁴ «*Удивляет мя и страшит мя огонь негасимый геенский...*»

¹⁸ Триодь цветная. М., 1648. Л. 37 об.

¹⁹ Там же. Л. 48—48 об.

²⁰ *Никольский К.* О службах русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 214—225.

²¹ См.: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 2. С. 102 и сл.; *Цодиковиг В. К.* Семантика иконографии «Страшного суда» в русской иконописи XV—XVII вв. Ульяновск, 1995. С. 13—14.

²² Триодь постная. Л. 53.

²³ Там же. Л. 44 об.—45.

²⁴ Там же. Л. 44 об.

(песнь 1-я канона).²⁵ «*Река огнена смущает мя...*» (песнь 5-я канона).²⁶ «Егда приидеши, Боже, на землю со славою <...> *река же огненная* пред Судищем течет <...> тогда *избави мя огня негасимаго...*» (кондак).²⁷ «Страшного Судища твоего помышляя, преблагий Господи, и дне Суднаго *трепещу и боюся* <...> велми убо возшумит *огнь геенский*, грешницы же восплачутся; темже *мя помилуй и спаси*, Судия праведный» (икос).²⁸ «Егда престолы поставятся и книги разгнуты <...> не осуди, Владыко, *нас во огнь геенский*» (светилен по каноне).²⁹

Мы знаем, что в метафорике гимнографии Рождественского цикла очень значим амбивалентный образ огня, изливающего воду. Он бесконечно варьируется в стержневом символе Боговоплощения, — огне вавилонской печи, не возмогшем опалить трех отроков.³⁰ В народных игрищах дня Богоявления, завершающего Святки, прочитывается перевод этой метафоры на язык простонародного жеста: вода иорданской проруби гасит огонь рождественского буйства.³¹ При этом символика «тучеросного» огня, спасительного для праведников и губительного для грешников, присутствует и в великопостных песнопениях. На 1-й седмице Великого поста поется: «*Пещь страстей распалает* душу мою, но *росою* милости Твоя *сию увяди*, Источивый безмертия каплю из нетленных ти ребр в распятии...» (трипеснец среды 1-й недели).³² Человек, вступивший на стезю Великого поста, обозначает свою греховность с помощью метафоры палящего его огня, от которого он жаждет избавиться на пути ко Христу: «*Огнем сожжена* мя *сластьми* и души зрительное помрачивши, *огнем твоего страха обновив*, Христе, и светом мя спасения озари, да ты славлю во вся веки» (трипеснец понедельника 1-й недели);³³ «Приидите усердно, твердое оружие поста имуще, яко щит <...> *не опалимся* сладострастием, *ни огня искушений* убоимся...» (стихера на Господи возвах понедельника 1-й недели).³⁴

Итак, гимнография вводит человека в Великий пост с мыслями об испепеляющем его огне греховности. Но от уничтожающего судного огня человек идет через Великий пост к угашающей огонь воде спасения. В первый день поста, пусть совсем негромко, начинает звучать и тема воды, — как метафора чаемого очищения и избавления от вечного огня: «Светло усыпаем поста вход, вернии, и да не сетуем, но *омьем лица наша безстрастия*

²⁵ Триодь постная. Л. 48.

²⁶ Там же. Л. 50.

²⁷ Там же. Л. 51.

²⁸ Там же. Л. 51—51 об.

²⁹ Там же. Л. 55 об.

³⁰ Ср.: «Даниил тя, Дево, гору прописа яве, божественный; трие же отроцы, видевше *пламень орошающь*, твое Божественное Рожество песнено восхваляют яко Спаса, и жизни дателя, и Господа» (Миния служебная. Декабрь. М., 1645. Л. 204 — Служба св. отрокам Анании, Азарии и Мисаилу и св. пророку Даниилу, 5-я песнь канона); «Прописавше ясно еже к нам Божие пришествие, ангеловым наитием угасиша авраамстии отроцы пещь и *тугеросен огнь* соделавше ...» (Там же. Л. 229 об. — Служба св. отцем, 5-я песнь канона).

³¹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 174—175.

³² Триодь постная. Л. 170 об.

³³ Там же. Л. 127.

³⁴ Там же. Л. 137 об.

водою, благословяще и превозносяще Христа во веки» (трипеснец понедельника 1-й недели).³⁵ После этого тема воды появляется в крестопоклонное воскресенье, открывающее собой четвертую седмицу, называемую крестопоклонной, или средопостной, и теперь уже настойчиво продолжает звучать на протяжении всей крестопоклонной седмицы, посредине Четыредесятницы, посреди пути от Адама ко Христу: «Приступивше, почерпите *неистощаемыя воды*, Креста благодатию *проливаемыя*, се видится предлежимо древо пресвятое дарованием источник, напоено кровию и *водою* Владыки всех, иже на том волею вознесшагося и земныя воздвигша» (стихера на Хвалитех крестопоклонной Недели (воскресенья));³⁶ «Пощения *водою*, вернии, очистившеся, и душею и умом Живоделное и божественное Древо обლობызаем...» (трипеснец понедельника 4-й седмицы);³⁷ «*Вода жива*, почерпаема в живот вечный, ты еси, Слове; кровь и *воду* от ребр на Кресте излиал еси, Владыко, греховныя потоки иссушая, темже молим тя: *изсуши страстей наших лукавныя истищания*» (трипеснец вторника 4-й седмицы);³⁸ «Поста *водою* душам скверну омыем и, приступивше к Честному и Животворящему Кресту Господню, верою поклонимся, божественное просвещение *погертпающе...*» (стихера на Господи возвах в среду 4-й седмицы);³⁹ «Пощения *водою* лица умыем и обლობызаем Древо Честное, на немже вознесся Бог всех, плотию обложився мертвеною, яко да уморит нас уморившаго» (трипеснец пятка 4-й недели).⁴⁰

А между тем известно, что в крестопоклонное воскресенье, когда «ломается» пост, в России было принято ходить по домам и поздравлять с этим событием. Такой обычаем сохранялся вплоть до начала XX в. Поздравляли дети. Их принимали радушно и при этом — обливали водой.⁴¹ Что праздновалось таким образом? Конечно же, открывшаяся на пути от Адама ко Христу надежда на спасение, как и сказано в каноне крестопоклонной Недели (песнь 4-я): «Живоноснаго ти Креста поклонную радость днесь, Христе, совершающе, *предъсретение* творим пресвятей *Страсти твоей*, еже во спасение миру содела, Спасе, якоже всесилен». ⁴² Для понимания символического смысла крестопоклонной Недели (воскресенья) показательным, что в качестве образцов для ирмосов песней канона крестопоклонной Недели положены ирмосы канона пасхальной заутрени: «В Неделю 3-ю поста на утрени <...> канон, творение Студита, глас 1. Песнь 1. Ирмос “*Воскресения день*”: Торжества день, востанием Христовым смерть без вести показася <...>. Песнь 3. Ирмос “*Приидите, пиво пием*”: Приидите, песнь поем нову <...>. Песнь 4. Ирмос “*На Божии стражи*”: Се воскресе Христос, — мироносицам женам ангел рече, — шедше, рцете учеником, радующеся: Днесь спасение миру <...>. Песнь 5. Ирмос “*Утренюем утренюю*”: Восиял еси от гро-

³⁵ Там же. Л. 127 об.

³⁶ Там же. Л. 345 об.

³⁷ Там же. Л. 352 об.

³⁸ Там же. Л. 367.

³⁹ Там же. Л. 383 об.

⁴⁰ Там же. Л. 393—393 об.

⁴¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 382.

⁴² Триодь постная. Л. 340.

ба, Незаходимый Свете, миру облистая нетление <...>. Песнь 6. Ирмос «*Сниде в преисподняя страны*»: Воскресл еси, Христе, смерть поправ, якоже велик царь, от адавых сокровищ возвал еси нас <...>. Песнь 7. Ирмос «*Отроки от пеши*»: Воскрес из гроба тридневно, яко спя, Господи, адовых вратарей сокрушив божественною силою и иже древле воздвиг праотца, благословен отцем Бог и препрославлен. <...> Песнь 8. Ирмос «*Сей убо нареженный*»: Сей день благоухает миры божественными вонями <...>. Песнь 9. Ирмос «*Светися, светися*»: Гроб твой жизнь ми, Христе, источи...». ⁴³ Ликующая нота пасхальной службы представлена в этом великопостном каноне через указанные ирмосы еще имплицитно, в свернутом виде (будучи обозначенными в Триоди своими начальными словами, они не произносятся за службой утрени, поскольку по уставу в качестве звучащего ирмоса в этот день используются ирмосы воскресного канона из Октоиха, чтение которого предшествует чтению канона крестопоклонной Недели), но она уже забрезжила здесь, чтобы мощно прозвучать во всю силу во время пасхальной заутрени. (Ср.: «Канон, глас 1. Песнь 1. Ирмос: *Воскресения день*, просветимся, людие, пасха Господня, пасха, от смерти убо к жизни и от земли на небо Христос Бог нас привел есть, побудную поюща. <...> Песнь 3. Ирмос: *Приидите, пиво пием ново*, не от камене неплодна чудодеемо, но нетления источника, из гроба одождивша, Христа, всем жизнь восияюща. <...> Песнь 4. Ирмос: *На Божии стражи богоглаголивый Аввакум* да станет с нами и явит светоносна ангела велегласно глаголюща: Днесь спасение миру, яко воскресе Христос, яко всесилен. <...> Песнь 5. Ирмос: *Утренюем, утренюю глубоко*, и вместо мира песнь принесем Владыце и Христа узрим, праведное солнце, всем жизнь восияюща. <...> Песнь 6. Ирмос: *Сниде в присподняя страны земли* и сокруши веря вечныя преисподняя связаныя, Христе, и тридневно, яко от кита Иона, воскресе от гроба. <...> Песнь 7. Ирмос: *Отроки от пеши избавив*, быв убо человек, стражет яко смертен, и страстию умерщвленою в нетление облачит благолепия, един благословен отцем Бог и препрославлен. <...> Песнь 8. Ирмос: *Сей убо нареженный святыи ден*, един суботам царь и господь, праздник праздником и торжество есть торжеством, во нь же благословим Христа во веки. <...> Песнь 9. Ирмос: Светися, светися, Новый Иеросалиме, слава бо Господня на тебе восия, ликуй ныне и веселися, Сионе, ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества твоего»). ⁴⁴

В свете выявленного шутивное обливание детей водой на крестопоклонной Неделе надо понимать, как своего рода «репетицию», или, как сказано, «предсретение» пасхального купания.

В поэтике литургической гимнографии одним из доминирующих художественных приемов является оксюморон. Можно даже сказать, что оксюморонное мышление составляет стилеобразующий признак литургической поэзии. И понятно — почему. С его помощью достигается восприятие основного «парадокса» христианства, заключающегося в возможности соединения, казалось бы, несоединимого, а именно, божеского и человеческого. О слиянии божеского и человеческого идет речь, когда мы слышим такие

⁴³ См.: Триодь постная. Л. 338 об. — 345.

⁴⁴ См.: Триодь цветная. Л. 204 — 209.

выражения, как: «смертию смерть попра», или «живоносная мертвость», или «Безначальный начинается», «Невместимый вмещается», или наконец «пламень орошающий».

Шутливое обливание водой на Пасху — это жест народной культуры, переводящей основную мысль христианства о соединении божеского и человеческого на язык простонародного игрища. В основе этого языка лежит тот же оксюморонный образ огня, источающего воду, какой присутствует в литургической гимнографии: огонь Страшного суда Господня угашается водой людского покаяния, или же, наоборот, огонь человеческого греха заливается водой Божией милости, что, в сущности, одно и то же.